

В прошлых номерах «РЖ–Тема недели» неоднократно поднимались вопросы о евроатлантической безопасности, стратегии сдерживания и о том месте, которое в этой системе должна занимать Россия.

В частности, в номере 9 «Клуб мировых лидеров» речь шла о новых инициативах в сфере экономического суверенитета, а номер 11 — «Перерождение «Новой Европы»» был посвящен перспективам европейской внутренней и внешней политики в связи со сменой администрации в Белом доме. В обсуждении этих тем принимали участие видные политические деятели и интеллектуалы из России и из-за рубежа.

Сегодня «РЖ–Тема недели» возвращается к этой вызвавшей общественный резонанс теме и публикует мнения трех экспертов. Модест Колеров пишет о безопасности как ценности, которую необходимо постоянно отстаивать. Глеб Павловский отмечает отсутствие у России жизненно необходимых дебатов о сдерживании и других концепциях безопасности. И, наконец, американский исследователь Айра Страус рассуждает о перспективах встраивания России в систему большой трансатлантической Европы.

НЕОБХОДИМЫЙ, ДОСТАТОЧНЫЙ И — ОСТАТОЧНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ

Модест Колеров

Россия вот уже полгода предлагает строить новую систему европейской безопасности, а ее евро-атлантические коллеги не скрывают скептического к ней отношения, говоря, что и без новых усилий эту безопасность с успехом обеспечивают все те брюссельские организации, которые старый-новый министр обороны США Роберт Гейтс уличает в любви к «говорильне», и все те, кто вооружил и подготовил агрессию Саакашвили.

После войны в Южной Осетии Турция тоже предложила новую «платформу стабильности и безопасности» на Кавказе, но еще не выветрился ее медийный шлейф, как выветрилась сама инициатива. Новый силовой мир уже не скрывает иронии по поводу архаичных попыток «поднять знамя мира» и завалить «воспитующими» инициативами очередную Лигу Наций.

Стерпя иронические комментарии брюссельцев, Совет секретарей совбезов ОДКБ в мучительной внутренней борьбе против своих участников, Узбекистана и Казахстана, на днях в Ереване подписал коллективную пети-

МОДЕСТ КОЛЕРОВ —
управляющий директор ИА
REGNUM

цию в поддержку новой системы европейской безопасности. Но даже это дипломатическое мужество не мужество вовсе, а бегство, отказ от суверенного права ОДКБ — права в Ереване говорить не о Брюсселе, а о Кавказе, об Азии, о Карабахе. Даже эта мучительность на деле слишком легка. Куда легче не формулировать свое суверенное право гаранта региональной безопасности, а приносить его в жертву далекому дипломатическому торгу.

Глеб Павловский выразил законное сомнение: непонятно, говорит он, как строить эту новую систему безопасности, если в России сам национальный консенсус о безусловной ценности суверенитета не оставляет места для неизбежных в этом торге уступок. Пока рождался этот консенсус, он перестал быть просто экзистенциальным переживанием, став совершенно историческим фактом, инструментом самой естественной тактики.

Пока критики концепции «суверенной демократии», не слыша предмета, но видя слова, твердили, что российская ангажированность суверенитетом чрезмерна, что чрезмерность эта абсолютна и что в современном-де мире абсолютный суверенитет невозможен (и потому сам суверенитет уже архаичный багаж), **«современный мир» умер**. И даже в евроатлантических букварях победила «многополярность», практическим выражением которой стали суверенные экономики ресурсов и технологий, ставящие локальные рамки спекулятивному глобализму. Казалось бы, отчего бы в «современности-2» не побе-

дить и локальным системам безопасности, если у них достанет мужества быть таковыми? Ведь легче быть глобалистически гибким, как переговорщики о вступлении России в ВТО.

Но, в отличие от условно суверенных экономик народных хозяйств, толпящихся в глобальной очереди за инвестициями, национальная безопасность не рынок, а безусловная ценность. **Безопасность — ценность, поэтому она не может не вступать в ежедневный конфликт** с практикой ее обеспечения. Всякая ценность (а не «политика ценностей») — нормативна и находится в вечном, исторически неразрешимом конфликте с реальностью. Примирение, а не борьба между ценностями и практикой — пропагандистская ложь. Бесконфликтная, стопроцентная безопасность — утопия.

Любая система взаимной безопасности начинается с суверенного права вето. Ее невозможно построить только лишь на взаимном праве самоограничения, поскольку оно не создает главного: гарантий безопасности. При таком беззащитном самоограничении самозаконным «гарантом» становится не консенсус, а преобладающая сила, оператор-манипулятор (сам манипулируемый бюрократической игрой). При таком порядке сами ценности становятся не нормативным конфликтом с самим собой, а манипулятивной утопией самозванных миссионеров и «образцов» безопасности, стабильности, демократии и прогресса. Видя, зная такую реальность Лиги Наций, назначать ее судьей над своей су-

веренной безопасностью — безумие.

Сколько-нибудь осмысленная система взаимной безопасности, конечно, не имеет ничего общего с самоограничением перед лицом самозаконного заинтересованного миссионера. Она существует исключительно как развивающаяся **система взаимного сдерживания, сдержек и противовесов, то есть взаимного суверенного вето**. И только миссионер, требуя единой «политики ценностей», выводит себя из-под ценностного суда — как США выводят себя из-под Международного уголовного суда, преследующего за геноцид, военные преступления и преступления против человечности.

Единая система «политических ценностей» никогда не реализовывалась иначе. И ради ее утопии отказываться от суверените-

риториальную целостность и безопасность.

Опыт России XX века с предельной откровенностью учит: кто бы ни стал во главе ослабленной и частично суверенной России, какие бы ценности ни исповедовали белые или красные, их вынужденные «системы безопасности» с врагами или союзниками **всегда** сопровождалась принудительным обменом нашего суверенитета на колониальный или зависимый режим, территориальные уступки, несовместимые с устойчивой политической, военной и экономической безопасностью. Это всегда был либо Брестский мир Ленина, «непредрешение» вопросов о формах и пределах государственного суверенитета Деникина, Врангеля и Колчака, государственное саморазоружение Ельцина и дипло-

Сколько-нибудь осмысленная система взаимной безопасности — это развивающаяся система взаимного сдерживания, сдержек и противовесов, то есть взаимного суверенного вето

та, не гарантируя ее правом вето, значит подвергать принципиальной угрозе национальный суверенитет, ничем, кроме суверенитета, не гарантированный. Мы не можем делегировать, как иные государства, свой суверенитет наднациональной бюрократии, ибо, в отличие от случаев попроще, в случае с Россией никто и ни при каких обстоятельствах не будет обменивать ее суверенитет на возлагаемую на Брюссель полноту ответственности за ее тер-

матическая капитуляция Козырева.

В кризисной и конфликтной «современности-2» России жизненно **необходим** экономический суверенитет, ограниченный лишь ее рыночными союзами. Но достаточен только безусловный национальный политический суверенитет, гарантирующий нас от наднационально-бюрократической «остаточной безопасности». ■

СДЕРЖИВАНИЕ И СУВЕРЕНИТЕТ

Глеб Павловский

Если задать профессиональному Стратегу параметры ядерного мира «суверенных наций» 1945 года и предложить найти невоенную модель его стабилизации, никто бы с такой задачей не справился. Однако мир без большой войны

просуществовал до конца СССР и до сих пор еще жив. Значит, стратегический парадокс нашел какое-то решение?

Решением конца 40-х годов оказалась концепция суверенного *сдерживания*, автором которой

считают Джорджа Кеннана. Сдерживание стало интеллектуальным успехом американской стратегии, плодами которого воспользовался и остальной мир, включая «Советы». Совершенно непонятое в СССР, сдерживание даже на рус-